

Ремень Бо Хуая оказался вовсе не на его собственной талии.

Им было стянуто левое запястье Цзянь Сунъи.

Холодный, демонстративно сдержанный интеллеktуал — истинный мерзавец в благообразном обличье — обвязал коричневой кожаной лентой руку гордого, строптивого молодого господина. На бледной, нежной коже уже проступили розоватые следы...

Кхм.

Ян Юэ заподозрил, что в последнее время перечитал дешёвых бульварных романов с сомнительным сюжетом.

Короче говоря, Бо Хуай стянул ремнем левую руку Цзянь Сунъи и свою правую. Он плотно обмотал их запястья, почти до самых локтей, и застегнул пряжку.

При таком раскладе каждый фактически лишался одной руки. Скованные одной цепью, они стесняли движения друг друга, урезая маневренность больше чем наполовину. Им что, «сложный» режим показался детской забавой, раз они решили устроить себе добровольную пытку и врубить уровень «Ад»?

Изверги? Психи? Монстры?

Тем временем на полосе препятствий спины этих двух чудовищ двигались в идеальном синхроне. Ширина шага, частота движений — всё совпадало до миллиметра.

Они стремительно преодолели барьеры и ров, добравшись до натянутой сетки. Рухнув на землю одновременно, они поползли по-пластунски, толкаясь свободными руками. Слаженность была поразительной: скорость ничуть не уступала одиночному зачёту.

На бревно они взошли боком и вихрем пронеслись по нему приставными шагами — ни единого колебания.

Перед высокой стеной каждый ухватился за канат одной рукой. Мощный рывок, упор ногами в бетон — и Бо Хуай первым взлетел вверх, освобождая место. Цзянь Сунъи тут же закинул длинную ногу на край, перемахнул через препятствие и легко спрыгнул на платформу.

Сделав короткий разбег, они взбежали на вышку и без колебаний сиганули вниз с двухметровой высоты.

Движения выверенные, четкие, безупречно красивые. Никакой суеты, никаких лишних жестов — чистое воплощение силы, грации и юношеской удалости.

Итоговое время — минута и сорок восемь секунд.

Абсолютный рекорд дня.

Зрители дружно уставились в небо, мысленно вопрошая: уж не системная ли это ошибка вселенной?

Брат Сун и раньше обожал покрасоваться, но с появлением дедушки Бо их совместный пафос и запредельная сложность трюков возвелись в квадрат. Два истинных Альфы наотрез отказывались вести себя прилично, соревнуясь в том, кто круче выпендрится.

И откуда только взялась эта чертова телепатия? Они что, оттачивали её в прошлых жизнях сквозь века трагической любви? По слухам, эти двое глотки готовы были друг другу перегрызть, так какого хрена здесь происходит?

А главное — у них ведь никогда не случалось осечек. Способность этих парней эффектно выходить из любой ситуации казалась непревзойденной, а сами они высились над толпой, как две недостижимые вершины.

В конце концов все восторги зрителей сошлись в одной короткой емкой мысли: «Ну ни хера ж себе крутизна».

Чего толпа не знала, так это почему за стеной так долго не звенел финишный колокольчик. А дело было в том, что триумфаторы знатно облажались.

Под вышкой лежал страховочный мат. Приземляясь, Цзянь Суньи наступил на самый край, нога подвернулась в щиколотке. Пустяк, он бы удержал равновесие, если бы не сковывавший их ремень. Потеряв опору, юноша повалился на мат, увлекая за собой напарника.

Привязанный к нему Бо Хуай рухнул следом, накрыв его всем телом.

Из-за связанных рук они оказались прижаты друг к другу без малейшего просвета. Светло-каштановые пряди Бо Хуая рассыпались, переплетаясь с челкой Цзянь Суньи.

Они пользовались одним гелем для душа и шампунем, пахли совершенно одинаково, но у одного тепло тела делало этот аромат мягким, а у другого он оставался прохладным. Сейчас, когда их дыхание смешалось, в этой близости проскользнуло нечто интимное, почти нежное.

Неловко дернувшись, Цзянь Суньи отвернулся, избегая прямого взгляда:

— Какого хера ты такой тяжелый? Свали с меня!

Будь они в другом месте, Бо Хуай, возможно, позволил бы себе какую-нибудь наглость. Но здесь, на плацу, пусть даже скрытом от чужих глаз высокой стеной, за которой гудела толпа, переходить границы он не стал — гордость и уважение к чужим границам не позволяли.

Упершись свободной рукой в мат рядом с плечом Цзянь Сунъи, он попытался подняться. Однако из-за связанной руки ему приходилось тянуть вверх вес обоих тел. Цзянь Сунъи лежал, плотно сжав бедра, лишая его мало-мальски надежной опоры. Несколько попыток привели лишь к неловкому трению.

Физика неумолима: трение рождает тепло.

После пары бесплодных усилий Бо Хуай уловил перемену в состоянии напарника. Он скользнул взглядом по его лицу.

Кое-кто заливался краской.

Тихо хмыкнув, он негромко скомандовал:

— Раздвинь ноги.

— Зачем это? — в голосе Цзянь Сунъи смешались паника и настороженность.

Бо Хуай не стал его дразнить:

— Ты планируешь лежать тут вечно, надеясь, что я подниму тебя одной левой? Или тебе так нравится поза, что решил задержаться? Если не дашь упор, я не смогу подняться.

Цзянь Сунъи промолчал, но спорить не стал и послушно выполнил просьбу.

Почувствовав опору, Бо Хуай опустился на одно колено между его бедер. Выпрямившись, он резко потянул напарника вверх. Цзянь Сунъи напряг пресс, сел, уперся стопами в мат, и они, поддерживая друг друга, наконец поднялись на ноги.

Оказавшись на ногах, Цзянь Сунъи вопреки обыкновению не стал распускать хвост и хвастаться триумфом. Вместо этого он молча уткнулся взглядом в запястья, торопливо распуская ремень.

Бо Хуай молча наблюдал за его суетой. Под этим взглядом Цзянь Сунъи стало не по себе, и он раздраженно зыркнул в ответ:

— Чего уставился?!

— Да так, ничуть не бывало, — невозмутимо отозвался Бо Хуай. — Просто подумал: почему мы сначала не расстегнули ремень, а потом уже не встали по отдельности? Так ведь было бы гораздо проще.

«...»

Бо Хуай зрел в самый корень.

Такая очевидная мысль даже не пришла в голову Цзянь Сунъи, несмотря на весь его недюжинный ум. А всё потому, что пока они лежали на мате, его тело выдало вполне однозначную реакцию, от которой мысли в голове разом испарились.

Но признаться в этом вслух он не мог ни при каких обстоятельствах.

Его захлестнуло острое чувство вины.

«Какая же я тварь...»

Раньше они часто возились и дурачились, как любые нормальные парни, и это никогда не казалось чем-то предосудительным. А теперь, стоило ему пройти вторичную дифференциацию, как он умудрился возбудиться от прикосновения лучшего друга. И где — на глазах у всей школы! Пусть реакция была мимолетной и быстро сошла на нет, он всё равно чувствовал себя последним ублюдком.

Ему было чертовски стыдно перед семьей Бо.

К счастью, появление Хуан Мина прервало эти мучительные думы, избавив его от неловкости:

— Вы двое, какого черта?! Кто разрешал самовольно усложнять задачу и рисковать травмами? Почему после финиша не нажали на кнопку звонка? И почему до сих пор не в строю? Вы вообще плюете на дисциплину!

Цзянь Сунъи согласно кивнул:

— Инструктор абсолютно прав.

—? — Хуан Мин, привыкший к вечным огрызаниям парня, опешил от такой покладистости.

Цзянь Сунъи продолжил с самым праведным и серьезным видом:

— Раз уж мы так злобно нарушили правила, наш результат за это испытание должен быть

аннулирован.

Хуан Мин потерял дар речи.

В итоге освобождение от зачетов, положенное за первое и второе места, перешло к Лу Цифэну и Хуанфу И.

Но до этого никому не было дела. Слухи о невероятном трюке двух королей пафоса со скоростью лесного пожара разнеслись по всей базе. История быстро обросла мифическими подробностями, и новоприбывшие зеваки смотрели на них едва ли не на коленях.

Что же касается тех нескольких минут за стеной, полных неловкости и смутной недосказанности, толпа сочла их хитрым планом: якобы лидеры нарочно тянули время, чтобы оказаться в одной команде с Ян Юэ.

Но то, что на самом деле скрывалось под обманчиво спокойной гладью воды — первое, еще неосознанное притяжение юности, — осталось их общим, негласным секретом.

Для Цзянь Сунъи этот эпизод стал поводом для затяжного самокопания и сомнений. Вторую половину дня, пока они тренировали Ян Юэ в стрельбе по мишеням, он витал в облаках. Бо Хуаю пришлось взять все хлопоты на себя — под его руководством неуклюжий толстяк наконец начал стабильно выбивать четыре-пять очков.

К ужину тренировка продолжалась. Цзянь Сунъи не стал дожидаться их и ушел вместе с Лу Цифэном.

Бо Хуай молча проводил их взглядом, на его лице не отразилось ни единой эмоции.

Ян Юэ осторожно ткнул его локтем в бок:

— Дедушка Бо, что стряслось? Вы с братом Суном поссорились?

— Нет, — Бо Хуай отвел взгляд. — Подтяни живот, плотнее прижмись к земле. Сосредоточься, не отвлекайся.

— Понял, — уныло буркнул Ян Юэ и послушно вернулся к прицеливанию.

Лу Цифэн обладал отменным эмоциональным интеллектом.

Пока вся школа судачила о вечной вражде между Цзянь Сунъи и Бо Хуаем, он давно раскусил истинное положение дел: никакой вражды не было, просто два упрянца капризно дулись друг на друга, отстаивая свои дурацкие принципы.

К тому же, стоило Бо Хуаю вернуться, как Цзянь Сунъи пересел на домашние обеды от семейства Бо. Прежнее трио распалось, оставив Лу Цифэна и Чжоу Ло в компании друг друга — одинокого Альфы и беззащитного Омеги. Старина Пэн даже едва не пришил им «попытку ранних отношений».

И вот теперь ветреный друг детства внезапно вспомнил о его существовании. Очевидно, у них с Бо Хуаем опять пробежала черная кошка.

Лу Цифэн зашел издалека:

— Вы с Бо Хуаем сегодня шикарно сработались. Давно репетировали?

— Да ничего мы не репетировали. Лет в семь-восемь нас постоянно черт дергал драться и ругаться по любому поводу. Мой дед и дед Бо от нас вешались, у них давление от наших выходок подскакивало. В итоге они плюнули, связали нас вместе веревкой и выставили на тренировочную площадку — чтоб глаза не мозолили. От скуки мы начали лазать по препятствиям, а потом это как-то само собой переросло в привычку.

— Да уж, вы двое еще с пеленок были монстрами, — полушутя заметил Лу Цифэн. — Но сохранить такую телепатию после стольких лет разлуки... Это что, какая-то великая братская любовь?

Цзянь Сунъи пропустил его подколку мимо ушей. Он уныло ковырял вилкой остывающий ужин, а затем резко отложил приборы в сторону.

— Лу Цифэн, обними меня.

— Чего? — Лу Цифэн вытаращился на него. — Ты при падении с вышки головой приложился?

— Меньше слов. Обними, кому говорю.

— Дай мне хотя бы доесть этот чертов окорочок, и давай отойдем куда-нибудь? Обниматься посреди столовой на глазах у всех — тебе-то, может, и плевать, а мне как-то не по себе. Не порть аппетит честным людям.

Цзянь Сунъи сердито ткнул палочкой в тарелку.

Бо Хуай бы не стал ломаться. Он всегда был настоящим другом, надежным и верным.

И от этой мысли на душе стало еще паршивее. Он действительно вел себя как последняя тварь.

Лу Цифэн, уплетая мясо, вдруг кивнул подбородком ему за спину:

— Гляди-ка, а чего это Хуан Мин уселся за один стол с Юй Цзыго? Ему мало издевательств над нашим классом, решил найти легкую мишень среди Бет?

Цзянь Сунъи оглянулся, мгновенно всё понял и повернулся обратно:

— Не переживай, он его не тронет. Доел? Раз так — пошли займемся делом.

«Дело» заключалось в том, чтобы Лу Цифэн наконец его обнял.

Сцена вышла запредельно неловкой. Лу Цифэн понятия не имел, куда деть руки. Наконец с обреченным видом он обхватил плечи товарища. Цзянь Сунъи замер, одеревенев как кирпич, и в ту же секунду его непреодолимо потянуло заехать другу коленкой под дых.

Сдержав первый порыв, он постоял так пару мгновений, но желание врезать только крепло. Наконец терпение лопнуло, и он перешел к действиям.

— Цзянь Сунъи, ты совсем берега попутал?! — взвыл Лу Цифэн, потирая ушибленную ногу. — Сам просит обняться, а потом с ноги прописывает! Думаешь, мне в радость тискать эту шпалу? Ты же не Чжоу Ло, который мягкий и покладистый. Ради чего мне так страдать?

Юноша не удостоил его ответом. Он лишь тихо, с облегчением выдохнул.

Слава богу. Он еще не сошел с ума. Объятия Лу Цифэна не вызвали у него абсолютно никаких эмоций. Значит, Альфы его не привлекают, и на друзей он не заглядывается.

А случай с Бо Хуаем — просто чистая физиология. Слишком близкий контакт, обычная телесная реакция. В конце концов, в их возрасте такое случается сплошь и рядом.

Всё в порядке. Абсолютно в порядке.

Цзянь Сунъи почувствовал колоссальное облегчение, словно только что избежал смертельной опасности. Но стоило панике улечься, как его настигла новая тревога: заметил ли что-нибудь Бо Хуай? А если заметил, что он теперь думает?

Мысли бегали по кругу, постепенно доводя его до бешенства.

Ну почему он оказался Омегой? Будь он обычным Альфой, никаких проблем бы вообще не

возникло!

Следы этой внутренней борьбы — от робкой надежды до глухого раздражения — отчетливо отразились на его лице. Лу Цифэн, внимательно наблюдавший за мимикой друга и сопоставлявший недавние события, начал приходить к весьма неожиданным выводам.

Прежде чем Лу Цифэн успел озвучить свою догадку, Цзянь Сунъи нанес упреждающий удар. Он резко повернулся и прищурился:

— погоди. Что ты там ляпнул? Чжоу Ло «мягкий и покладистый»?

Лу Цифэн мгновенно заткнулся.

Цзянь Сунъи буравил его взглядом добрых три секунды, после чего вынес вердикт:

— Короче, держись от меня подальше. И руки свои распускать больше не смей.

—...?! — Лу Цифэн лишился дара речи от такой наглости.

«Это еще что за бред?! С какого перепугу мне приставать к парню, который ведет себя агрессивнее любого Альфы?»

Игнорируя чужое экзистенциальное недоумение, Цзянь Сунъи развернулся, забрал пакеты с упакованным ужином, купил кучу сладостей с газировкой и зашагал обратно к полосе препятствий.

Вечерние занятия заканчивались ровно в восемь. Едва раздавался сигнал, толпа полуживых курсантов послушной волной утекала в сторону общежитий.

Плац быстро опустел. На нем остались лишь четверо: Цзянь Сунъи, Бо Хуай, Сюй Цзясин и Ян Юэ.

Им нужно было поторопиться, чтобы превратить одного очаровательного толстяка в стремительного и ловкого бойца.

В такие моменты условные грамоты и звания примерных учеников отходили на второй план. Речь шла о вещах куда более важных для любого мальчишки в этом возрасте — о гордости, мужском достоинстве и упрямом нежелании сдаваться.

Они молоды, здоровы — так с какой стати у них должно не получиться?

Если один не справляется, за его спиной всегда встанут друзья. Главное — не дать повода для насмешек.

Закончив разминку, Ян Юэ мысленно поклялся расшибиться в лепешку, но одолеть эту дистанцию.

Стоило ему приготовиться к первому забегу, как на поле прибежал Юй Цзыго, сжимая в руках шуршащий пакет. Запыхавшись, он подскочил к Ян Юэ и торопливо вытащил содержимое:

— Вот, здесь пластыри. А это перчатки.

Дистанция с препятствиями изобиловала острыми углами и шероховатостями. Для Ян Юэ, которому тяжелее всего давались сетка и канат, содранная до крови кожа на руках была делом пяти минут.

Юй Цзыго в силу своего характера оказался куда предусмотрительнее изнеженных молодых господ. При этом все знали, что парень экономит на каждой мелочи и частенько лишает себя нормального завтрака. Покупка целой пачки пластырей и хороших перчаток наверняка ощутимо ударила по его скромному бюджету.

Ян Юэ всё прекрасно понял, но деликатно промолчал. Приняв подарок с максимально беспечным видом, он махнул рукой в сторону скамейки:

— Слушай, я тут набрал кучу вкусняшек, а брат Сун заставляет меня худеть и всё отобрал. Забирай пакет себе, а то я сорвусь и всё слопаю от тоски.

Юй Цзыго серьезно кивнул:

— Хорошо, я припрячу их у себя. Как только захочешь — сразу верну.

«...»

Ян Юэ аж опешил от такой святой простоты. Он ухватил себя за складку на животе и продемонстрировал собеседнику:

— Пока я не стану таким же подтянутым, как брат Сун, я к сладкому даже не прикоснусь.

— Ой... Но к тому времени у них же весь срок годности выйдет. Выбрасывать придется?

«...»

Излишняя прямота порой бьет сильнее кулака. Слегка зависнув от такой логики, Ян Юэ кашлянул:

— Вот именно. Так что съешь всё сам, не пропадать же добру.

Юй Цзыго в раздумье почесал макушку:

— Ладно. Только странно как-то... Почему мне сегодня все подряд еду суют?

— Все подряд?

— Ну да. Инструктор Хуан Мин за ужином заявил, что по ошибке взял лишнюю порцию, и всучил мне две куриные ножки. Тоже бубнил, что выбрасывать еду — грех.

«...»

На площадке воцарилась озадаченная тишина.

Ян Юэ первым пришел в себя и дружески похлопал одноклассника по плечу:

— Ну так всё правильно, еду переводить нельзя. К тому же ты тощий как щепка, тебе полезно. Забирай пакет и топай в корпус. Нам пора начинать, а ты тут только время потеряешь.

— Ага, бегу уже, — Юй Цзыго послушно подхватил пакет.

Сделав пару шагов, он вдруг затормозил, обернулся и показал Цзянь Сунъи с Бо Хуаем большой палец:

— Эй, отличник, хулиган! Парные костюмы вам нереально идут!

И сразу дал стрекача.

«...»

«...»

Какая, к черту, парная одежда, если вся параллель из четырех сотен человек ходит в

абсолютно одинаковой форме?!

Цзянь Сунъи одновременно разозлился и рассмеялся.

— Этот Юй Цзыго... слабоумие и отвага в одном флаконе. Страх вообще потерял, — Сюй Цзясин покачал головой. — А Хуан Мин, оказывается, умеет быть заботливым. Чего ж он на нас-то постоянно собак спускает?

— Обычное дело, — спокойно отозвался Бо Хуай. — В каждом человеке уживаются черты, которые могут и притягивать, и отталкивать. Просто мы вызываем у Хуан Мина раздражение, поэтому и он платит нам тем же.

Люди, перенесшие немало лишений, часто испытывают смесь зависти и гордости при виде тех, у кого жизнь складывается легко. Но сталкиваясь с кем-то, кто напоминает им их самих в детстве, они невольно тянутся проявить теплоту.

Мир не делится на абсолютно хороших и абсолютно плохих. Эту простую истину Бо Хуай усвоил еще в четырнадцать лет.

Услышав его слова, Цзянь Сунъи резко повернул голову и прищурился, в его голосе проскользнули опасные нотки:

— Ну и какая же черта во мне, по-твоему, всех бесит?

Бо Хуай тихо хмыкнул:

— Знаешь, пока не обнаружил.

«...»

— А во мне? Что тебя раздражает больше всего?

Цзянь Сунъи отвел взгляд и с самым независимым видом бросил через плечо:

— Всё.

Бо Хуай подумал, что это короткое «всё» прозвучало до неприличия мило. Куда приятнее банального «ничего».

Уголки его губ сами собой поползли вверх.

Когда он перевел взгляд на площадку, то обнаружил, что Ян Юэ и Сюй Цзясин застыли с каменными лицами, переводя испуганные глаза с него на Цзянь Сунъи.

— Парни... вы сейчас... типа заигрывали друг с другом?

Лицо Цзянь Сунъи потемнело.

Бо Хуай ласково улыбнулся:

— Ян Юэ, повесь на ноги еще по пять килограммов утяжелителей.

— А?! — округлил глаза толстяк. — За что опять мне прилетает?!

Впрочем, спорить было бесполезно. Вешай, беги, паши... Жизнь несправедлива: у кого-то есть внешность, ум, сила, авторитет и всеобщая любовь, а у кого-то — только верный, преданный подкожный жир, который никогда не бросит.

В сгущающихся сумерках пухлый «грибочек» прилежно катался по полосе препятствий, пока друзья щедро осыпали его подколками, не отходя ни на шаг.

Когда секундомер наконец зафиксировал заветные восемь минут, Ян Юэ без сил рухнул в яму с песком, уйдя в глухую ментальную оборону. Бо Хуай тем временем продолжал обсуждать с Сюй Цзясином тактику на завтрашний день.

Цзянь Сунъи, которому делать было совершенно нечего, потянул за канат, легко взобрался на вышку и растянулся на деревянном настиле. Закинув руки за голову и скрестив ноги, он уставился в глубокую синеву ночного неба.

Наньчэн располагался на равнине в окружении холмов, из-за чего над городом вечно висел плотный слой облаков, скрывая звезды. Но здесь, за чертой города, в горах, воздух был кристально чистым, небо казалось ближе, а усыпавший его Млечный Путь сиял невероятно ярко.

Сентябрьский ветерок приносил со склонов тонкий сладковатый аромат цветущего османтуса. Под ногами шуршала сухая листва, в траве приглушенно стрекотали цикады. Как говорится, весну встречают птичьим гомоном, а осень — стрекотом насекомых. Осень действительно вступала в свои права.

И при мысли о приходе осени первым, кто пришел ему на ум, оказался Бо Хуай.

Надо будет не забыть купить букет лизиантусов через пару дней. Омега-папа Бо Хуая очень их любил.

Только он об этом подумал, как натянутый канат рядом вздрогнул. Секунду спустя на край вышки уверенно ступила длинная нога.

Бо Хуай мягко приземлился рядом.

Цзянь Сунъи тут же приподнялся, намереваясь спрыгнуть вниз.

— Избегаешь меня? — негромко спросил Бо Хуай.

Юноша замер на мгновение, а затем медленно опустился обратно, приняв прежнюю позу:

— Вовсе нет.

Это не было бегством в чистом виде. Просто наедине с другом он неизбежно возвращался мыслями к утреннему инциденту, и это лишало его привычного покоя.

Бо Хуай улегся рядом точно так же, забросив руки за голову:

— Вот и славно. Всё равно бегать бессмысленно, нам еще в одной комнате ночевать. Будем постоянно сталкиваться нос к носу. Ты же не станешь выставлять меня спать в ванную, как во время семейной ссоры?

Цзянь Сунъи почуял в этом сравнении скрытый подвох, но из-за собственного чувства вины решил не лезть на рожон.

Боясь, что Бо Хуай истолкует его поведение неверно, он, преодолев смущение, все же заговорил:

— Я не стал ждать вас к ужину только потому, что вы с Ян Юэ застряли надолго. Хотел успеть взять для вас горячую еду, пока всё не остыло.

Обычно парни не забивают себе голову подобной чепухой. Это девчонки высчитывают, кто с кем сел за столик, кто с кем пошел мыть руки и кто кому доверил секрет. На фоне их привычной суровой дружбы такое оправдание звучало ужасно неуклюже и натянуто.

Бо Хуай, чье лицо скрывала ночная тень, мягко улыбнулся:

— Я знаю. Я не обидчивый.

— Вот и отлично. Но есть еще кое-что...

Цзянь Сунъи запнулся.

Обычно за словом в карман он не лез, но сейчас язык словно прирос к гортани. Нужная фраза вертелась на кончике языка, но никак не хотела слетать с губ.

Бо Хуай не торопил его, спросив вкрадчивым, спокойным тоном:

— Что именно?

— Коротко говоря... нам нужно соблюдать дистанцию. Впредь.

Бо Хуай повернул голову, разглядывая профиль друга.

В полумраке точеные черты лица Цзянь Сунъи лишились привычной вызывающей резкости, став удивительно мягкими. В глубине его глаз отражалась звездная россыпь, а кончики ушей окрасились едва заметным румянцем.

Сейчас он выглядел на удивление невинным.

Бо Хуай невольно засомневался: вдруг Цзянь Сунъи обо всем догадался и теперь пытается деликатно указать ему на место? Грудь сдавило глухим, тревожным чувством, словно из теплого пледа выдернули нитку.

Он постарался сделать свой голос как можно мягче:

— Почему ты так решил?

Цзянь Сунъи поджал губы, подбирая слова, и наконец выговорил едва слышным шепотом:

— Ну... мы ведь выросли вместе. Привыкли вести себя как родные братья, тискаться без задней мысли, и от старых привычек сложно избавиться. Но одно дело братские чувства, а другое... я ведь теперь официально Омега. Так что... сам понимаешь, верно?

Закончив речь, он поспешно отвернулся, сделав вид, будто увлеченно наблюдает за копошащимися в песочной яме приятелями.

Бо Хуай на мгновение лишился дара речи. Затем он снова поднял взгляд к звездному небу и тихо, с облегчением рассмеялся:

— Да. Ты абсолютно прав.

Этой теплой сентябрьской ночью, под сенью созвездий и в облаке сладкого аромата османтуса, одна очаровательно глупая инфузория-туфелька сделала свой первый крошечный шаг по эволюционной лестнице.

<http://bllate.org/book/20583/2172916>